

Памятники исторической литературы

Николай Кареев

НОВОЕ
ИСТОЛКОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
УЧЕНИЯ РУССО

Аннотация

«Памятники исторической литературы» — новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей. Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

«Новое истолкование политического учения Руссо» — статья русского историка и социолога Николая Ивановича Кареева (1850–1931).

Автор рассматривает противоречивость теории Руссо, который утверждал, будто индивидуальная свобода является залогом общественного благосостояния. Согласно Руссо, личность оказывается совершенно бесправной по отношению к государству. В эпоху революции это привело к тому, что якобинцы выступили против индивидуализма как опасной формы общественного правления.

Николай Кареев

Новое истолкование политического учения Руссо

Рецензия на книгу г. Гурвича «Руссо и Декларация прав»

От Издателя

«Памятники исторической литературы» — новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей.

Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

Пробудить живой интерес к истории, научить соотносить события прошлого и настоящего, открыть забытые имена, расширить исторический кругозор у читателей — вот миссия, которую несет читателям книжная серия «Памятники исторической литературы».

Читатели «Памятников исторической литературы» смогут прочесть произведения таких выдающихся российских и зарубежных историков и литераторов, как К. Биркин, К. Валишевский, Н. Гейнце, Н. Карамзин, Карл фон Клаузевиц, В. Ключевский, Д. Мережковский, Г. Сенкевич, С. Соловьев, Ф. Шиллер и др.

Книги этой серии будут полезны и интересны не только историкам, но и тем, кто любит читать исторические произведения, желает заполнить пробелы в знаниях или только собирается углубиться в изучение истории.

I

В 1918 году вышла несомненно очень важная книжка, в сто страниц, г. Георгия Гурвича под заглавием «Руссо и декларация прав. Идея неотъемлемых прав индивида в политической доктрине Руссо», заслуживающая большого внимания как историков политических учений, так и историков французской революции. Автор поставил своею задачею доказать, что многочисленные писатели, говорившие о внутренней противоречивости политического учения Руссо, были неправы, что она была вполне едина и цельна¹, что ошибаются и те, которые отрицают непосредственное влияние этой теории на составление «Декларации прав человека и гражданина», что, наоборот, этот знаменитый документ был составлен под непосредственным влиянием именно доктрины Руссо. Г-н Гурвич обнаружил при этом весьма вдумчивое отношение как к «Общественному договору», так и к другим произведениям Руссо, и равным образом прекрасное знакомство с литературой предмета, хотя в последнем отношении и можно было бы указать на кое-какие пробелы.

Противоречивость теории, изложенной в «Общественном договоре» Руссо, усматривается в том, что, исходя из принципа прирожденности и неотъемлемости индивидуальной свободы, которую должен обеспечить общественный договор, Руссо из условий этого договора выводит такое понимание верховной власти, приписываемой им народу, что от индивидуальной свободы не остается ничего и личность оказывается совершенно бесправною по отношению к государству. В эпоху революции якобинцы, действительно, делали такой вывод из учения Руссо, в качестве государственников, которые в индивидуализме видели пагубный для «единой и нераздельной республики» индивизм, т. е. поведение, недостойное гражданина, обязанного быть в полном подчинении у государства.

Опираясь на учение Руссо о гражданской (т. е. государственной) религии, Конвент декларировал такую гражданскую религию в виде культа Верховного Существа, что противоречило принципу религиозной свободы, и насильственная «дехристианизация» Франции в эпоху господства поклонников Руссо была практическим применением идеи государственного, хотя бы и в республиканской форме, абсолютизма по отношению к религиозной жизни граждан.

---

¹ Так в тексте.

Абсолютизм в политическом учении Руссо усматривают и многочисленные писатели, издававшие² и разбиравшие это учение, одни — больше напирая на этот абсолютизм, другие на противоречие этого абсолютизма с индивидуалистическим исходным пунктом теории. Те писатели, которые особенно стояли на первой точке зрения, указывали при этом на несовместимость взгляда Руссо на неограниченность верховной власти с резко индивидуалистическим характером Декларации прав.

Это согласие в понимании Руссо и его практических последователей, и критиков его теории что-либо, конечно, значит: не могло бы быть такое согласие, если бы в «Общественном договоре» действительно не было бы поводов к тому, чтобы толковать его в абсолютистском смысле и находить противоречие между исходным пунктом теории и ее последним выводом. Г-н Георгий Гурвич доказывает в своей книжке, что Руссо отнюдь не был абсолютистом, что, наоборот, он был защитником индивидуальной свободы и что поэтому его учение не заключало в себе никакого внутреннего противоречия.

«Кажущиеся», «чисто терминологические противоречия» (стр. 12, 30, 34 и др.), однако, и он находит, отмечая случаи, когда обнаруживается или «на первый взгляд явное противоречие» (стр. 24), или «противоречие, по-видимому, безысходное» (стр. 26) и т. п. и, признавая, что у Руссо была «двойственность терминов», которая, по его же словам, и «принесла непоправимый вред» правильному уразумению его системы (стр. 34 и сл.). Мало того, самый новый истолкователь учения Руссо находит еще, что он «вплел» в ход своих рассуждений некоторые элементы, «затрудняющие понимание первооснов этого учения» (стр. 72) и «препятствующие усвоению их во всей их чистоте (стр. 74), причину неправильного понимания Руссо он при этом объясняет «глубоким его своеобразием» (стр. 77), к каковому, конечно, нужно отнести и терминологическую двойственность, обнаруживаемую автором в «Общественном договоре». В частности, «построение государственной религии» у Руссо он называет «неудачным» (стр. 23), доказывая, что оно вытекало не из учения о праве государства устанавливать религию граждан, а из «неправильно понятой необходимости» (стр. 86). В конце же концов г. Гурвич не отрицает того, что «учение о гражданской религии является несомненным нарушением веротерпимости (стр. 87) или, лучше было бы сказать, религиозной свободы».

Вина, сказал бы я после всего этого, вина того, что Руссо не был понят правильно, значит, лежит в нем самом, и если г. Гурвич находит, что родоначальником этого непонимания был Бенжамен Констан³ (стр. 4–5 и 40), то сам же прибавляет, что последний «был по-своему прав, когда резко противопоставлял индивидуализм в своем понимании доктрине Руссо (стр. 97).

Но вот г. Гурвич подвергает вопрос критическому пересмотру. Говоря собственными его словами, он делает «попытку доказать, что в политическом учении Руссо не только не содержится отрицания неотъемлемых естественных прав индивида, но, напротив, дается новое по сравнению с предшественниками и чрезвычайно глубокое их обоснование» (стр. 12), «проложить путь к воссозданию единого систематического целого из воззрений Руссо» (стр. 20). С этой целью он, так сказать, забывает о том значении, какое теория Руссо имела во время французской революции, и берет это учение в его отвлеченной сущности. «Политическая доктрина Руссо, — говорит он, — так тесно связана с судьбами французской революции, такое продолжительное время служила орудием борьбы политическим партиям, что до сих пор еще главный интерес истолкователей направлен на конкретно-политические выводы, а не на абстрактное содержание этой доктрины». Между тем автор не сомневается в том, что «основное устремление Руссо» заключалось в «абстрактной теории, а не в формулировке конкретных политических требований» (стр. 13). Сосредоточивая свое внимание на «абстрактной» теории, г. Гурвич привлекает к рассмотрению не только «Общественный договор» в разных его редакциях и другие несомненные произведения Руссо, но и анонимную статью «Энциклопедии» Дидро об естественном праве, написанную, как не без основания убежден г. Гурвич, не кем иным, как самим Руссо⁴.

II

Своему критическому пересмотру г. Гурвич подвергает три основных пункта.

² Так в тексте.

³ Бенжамен Констан де Ребекк (1767–1830) — французский политический мыслитель. Проводил различие между свободой древних и свободой новых народов. Свобода в древних республиках — это участие в народовластии, свобода людей Нового времени — это индивидуальная свобода. Выступал против теории народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо. О теории народного суверенитета Руссо см.: Constant B. De la souveraineté du peuple et de ses limites // Constant B. Cours de politique constitutionnelle. Paris, 1836. Т. 1. Р. 1. Р. 161–191.

⁴ Об этом см. примеч. 36 к статье Гурвича «Руссо и декларация прав».

Во-первых, по общему мнению, учение Руссо об общественном договоре и его условиях содержит в себе отрицание неотчуждаемости естественных индивидуальных прав, тогда как г. Гурвич доказывает как раз обратное.

Во-вторых, автор берет на себя задачу опровергнуть «ходячее воззрение», по которому верховная власть у Руссо безгранична.

В-третьих, в книжке доказывается, что в «первоосновах своего учения» Руссо был горячим сторонником религиозной свободы (веротерпимости, как выражается автор) и, вопреки распространенному мнению, признавал индивидуальное право собственности.

Доказывая все это, тем самым г. Гурвич опровергает тезис, по которому Руссо не был идейным вдохновителем «Декларации прав человека и гражданина». Тогда как во время революции именно на него и смотрели как на учителя свободы люди, подобные Мирабо, этого принципиального защитника индивидуальной свободы.

В учении Руссо всем, внимательно читавшим «Общественный договор», бросалось в глаза противоречие: договор, создающий по теории XVIII века государство, заключается для обеспечения прав личности, которая должна оставаться столь же свободною, как и до заключения договора, а между тем последний требует полного безусловного отчуждения каждым всех своих прав в пользу целого. Сам Руссо — обращает на это внимание г. Гурвич, — сам Руссо просил не обвинять его в противоречии, которого он, по собственным его словам, не мог «избежать в терминах», но исследователи не обратили должного внимания на эти слова. Наш исследователь просит «поверить» этому «нрзб.» Руссо (стр. 24 и 27) и, собирая между собою отдельные мысли Руссо, приходит к такому построению его теории. По его основному взгляду, в естественном состоянии, т. е. до общественного договора, индивид не обладает никакими правами и обязанностями, и только общественный договор подчиняет человека праву, подтверждает права индивида, но раз в естественном состоянии никакое право (в том числе и естественное) не действует, то полное и безусловное подчинение общественному целому нужно мыслить только как отречение от своих инстинктов и склонностей, а отнюдь не как отказ от своих прав. Естественное право, таким образом, получает свою обязательную силу благодаря только общественному договору (стр. 28–29). Дело в том, как это явствует из слов самого Руссо, у него надо различать два понятия естественного права: одно «разумное» и другое «естественное в собственном смысле», т. е. инстинктивное, основанное на естественном побуждении. Подчиняя дотоле повиновавшихся только инстинкту индивидов тому, что Руссо называл «общей волей», и ее внешнему выражению, закону, общественный договор порождает «разумное» естественное право (стр. 31). В других своих сочинениях Руссо то же говорит об этом «разумном» естественном праве, в смысле совокупности велений, обращенных к существам, обладающим разумом и свободною волею, основное же содержание этого права он видит в категорическом запрете безусловно отчуждать свою свободу. По толкованию г. Гурвича, выходит, значит, так, что Руссо требовал отказа от инстинктивного естественного права, а отнюдь не от разумного, которое индивиду еще только предстоит приобрести через общественный договор (стр. 32). Лишь становясь гражданином, членом общества, «индивид.», по словам самого Руссо, делается человеком, т. е. приобретает человеческие права.

Так своим толкованием г. Гурвич устраняет признававшееся всеми противоречие Руссо с самим собою, прибавляя, что в некоторых случаях Руссо вместо «права», говоря об инстинктивном естественном праве, от которого нужно отказаться, употребляет выражения «мощь» и «сила» (стр. 35). Для трактата Руссо очень характерно вообще противопоставление права и силы. Только вступая в договор и отрекаясь от своих страстей и инстинктов в пользу разумной своей природы, индивиды подчиняют себя действию права как чего-то принципиально отличного от силы и приобретают человеческие права (стр. 36). Отсюда единственная цель общественного договора — утверждение неотчуждаемых естественных прав индивида при отречении от власти страстей и инстинктов (стр. 37). Перечисление этих прав Руссо дает в трактате «О политической экономии»: это жизнь, свобода, собственность и публичная (гражданская) безопасность (стр. 38). Констатируя последнее, г. Гурвич делает тот вывод, что между идеями Руссо и принципами Декларации нет ни малейшего расхождения (стр. 39–40). Мимоходом он отмечает разницу между взглядами Локка и Руссо; у первого личность в естественном состоянии пользуется всеми естественными правами, от части которых отрывается при вступлении в общественный договор, у Руссо она отрывается от всех неразумных инстинктов и приобретает все разумные естественные права.

«Клубок безысходных противоречий, — говорит автор, — в которых якобы запутывается с самого начала построение Руссо, оказывается окончательно распутанным» (стр. 37). Нужно отдать справедливость тому остроумию, с каким г. Гурвич разрешает загадку, но нельзя не сказать, что если такова была настоящая мысль Руссо, что очень правдоподобно, то выразить ее надлежащим образом он не сумел, и все-таки прямое понимание его слов о безусловном отказе от всех своих прав не могло не привести к обвинению его в коренном противоречии. Притом главные места, сходные с тем, что мы читаем в «Декларации прав» находятся не в основном политическом трактате Руссо, а в одном из второстепенных.